

Мой великодушный читатель!

Пятнадцать лет назад я написал сказку. Написал, в первую очередь руководствуясь желанием понять, доступен ли мне в принципе романтический формат или приличнее придерживаться хорошо известного мне сценарного? Вторым мотивом было желание оставить своим детям и внукам нечто, способное дать отдаленное представление о том, чем грезил я в пору своей дикой, но честной юности.

Все эти пятнадцать лет я был абсолютно убежден, что мой эксперимент провалился. И не было изумлению предела, когда выяснил, что именно этот роман более всего из моего творчества пришелся по душе самой привередливой части моей компании. Хмурые байкеры, вредные очкарики, вздорные красотки и великосветские львицы неожиданно пренебрегли высокими идеалами академической культуры в угоду разухабистой истории о мире, которого нет, но в котором, как оказалось, все так нуждаются.

И простите мне все жизненные и творческие огрехи за фанатичное желание поделиться моей сказкой с вами, в надежде сделать вас хоть немного счастливее.

*Преданно ваш,
Иван Охлобыстин*

Все книги на свете написаны одной рукой...

Ральф Уолдо Эмерсон.
Essays, 2, VIII

ПРОЛОГ

Пурпурная, как полотнища боевых племен Империи, заря поднималась из глубоких расщелин гор, окружающих Ульгуан. Едва первые лучи рассвета коснулись мозаичных стекол Белой Башни Хоэта, по мраморным плитам ее полов поползли кружевные тени от кованых решеток на окнах башни.

Звонко цокая каблуками по плитам, в зал ворвалась Валайя. На ходу сбросив в кресло тяжелый лук, она приблизилась к столу и спросила: — Надеюсь, была весомая причина?

Сидящий во главе стола Таал показал ей на искрящийся многогранный рубин, лежащий на испи-санном странными письменами пергаменте.

- Четырнадцатый принцип определил хозяина.
- Кто он?
- Ты не поверишь.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Бедняге Ленскому публика не верила, во всяком случае, ничто в его облике не подразумевало амурную скорбь, а после фразы «я люблю вас, Ольга» зал испытывал больше сострадания к упомянутой девице, нежели к вислозадому «баритону» средних лет с внешностью спивающегося аудитора.

Тут-то и позвонил телефон. Судорожно пытаясь прикрыть динамик, верещащий мелодией из популярного кинофильма, Сергей двинулся к выходу из концертного зала. Под неодобрительным взглядом пожилой женщины в униформе театрального администратора молодой человек выскочил в холл, приложил телефон к уху и услышал голос Петра Алексеевича — владельца мебельного салона, где он работал.

— Ты где был?! — в категоричной форме поинтересовался начальник.

— В опере, у меня выходной, — сразу начал оправдываться Сергей.

— Короче, бросай все и мигом на работу, — не терпящим возражений тоном потребовал Петр Алексеевич.

— Что-то случилось?

— Случилось, случилось. Обхохочешься, — хмыкнул начальник и оборвал связь.

Петр Алексеевич, что нередко случается с владельцами крупных мебельных магазинов, слыл среди сотрудников салона законченным самодуром и бытовым деспотом, но к Сергею он относился отнюдь не плохо. Очевидно, начальнику льстило наличие двух высших образований у его подчиненного, да и о повышении зарплаты тот ни разу за два года службы не заикнулся. В общем, по всему выходило, что молодой человек соответствует занимаемой им должности продавца элитной мебели.

Всю дорогу Сергей тихо мурлыкал себе под нос «Что день грядущий мне готовит?». Таксист все понял по-своему и попросил на сто рублей больше, чем обычно.

Действительно, несмотря на поздний час, в витринах магазина горел свет. Петр Алексеевич сидел на итальянской софе у стены, перед ним стоял хорошо одетый господин, примерно ровесник Сергея, с кожаной папкой в руках и темных, не ко времени суток, очках в тонкой оправе.

— Вот и он, — радостно ткнул пальцем в подчиненного Петр Алексеевич и услужливо взглянул на позднего посетителя.

— Да, это я, — хмуро согласился Сергей. — Чем могу быть полезен?

Ты, брат, в командировку поедешь... — начал объяснять ему начальник, но посетитель перебил его, протянул Сергею руку и представился:

— Герман Маннбарт, адвокат.

— Сергей Кашин, продавец, — в силу приличий пришлось представиться и молодому человеку.

— Короче, давай загранпаспорт на визу, у тебя утром самолет, — опять вмешался Петр Алексеевич. — У господина Маннбарта дом за рубежом, он

хочет его обставить из нашего магазина. Дал предоплату за половину ассортимента. Большой, вероятно, дом.

— Очень большой, — кивнул покупатель и вопросительно взглянул на Сергея: — Вы согласны?

— Заграничный и общегражданский паспорта у вас, Петр Алексеевич, в сейфе. Помните, вы их ксерокопировать забирали три месяца назад? На всякий случай? Но за несколько часов визу не получают, — сказал тот, машинально меняя местами на столе письменный прибор и пепельницу.

— Консул сделает все от него зависящее. У меня нашлись аргументы, — улыбнулся ему адвокат.

— Надолго?

— Думаю, не более трех дней.

— А если я не соглашусь?

— Тогда я предложу вам больше.

— Вы умеете договариваться. А на сколько больше?

— Тысяч на десять. Фунтов, естественно.

Петр Алексеевич беспокойно заелозил по софе.

Хорошо, что на десять. А какая тогда первоначальная сумма?

— Пятьдесят и полное содержание.

— Я бы согласился и на гораздо меньшую сумму, — саркастично усмехнулся Сергей.

— Я знаю, — улыбнулся ему в ответ посетитель, попутно поправляя воротник дубленки, подбитой норкой.

— Позвольте... — опять влез в разговор Петр Алексеевич.

Но смекалистый адвокат прервал его на полуслове:

— У меня в доме двести комнат.

— Двести! — изумился начальник, но тут же взял себя в руки. — Итак, Сережа, где у нас тут сейф?

— У вас под столом, — подсказал ему наш герой. Сергей и адвокат вышли на улицу.

— А какая все-таки истинная цель поездки?

— Давайте пока будем придерживаться первоначальной версии, — интеллигентно уклонился от вопроса адвокат и протянул молодому человеку конверт. — Здесь пять тысяч. Вам же, наверное, нужно сделать какие-то покупки в дорогу.

— На пять тысяч фунтов стерлингов, ночью? — по-доброму съязвил Сергей.

Адвокат, кажется, не понял его шутки или не захотел понимать, а только показал на один из двух припаркованных у магазина автомобилей:

— Эта машина будет вас возить, куда вам заблагорассудится, а утром доставит в аэропорт. А пока дайте мне ваш заграничный паспорт.

Сергей протянул ему документ и пошел к указанному автомобилю. Уже взявшись за ручку двери, он все-таки уточнил:

— Я надеюсь, речь пойдет не о моей почке или печени для пожилого состоятельного клиента?

— Мой клиент, а вернее — клиенты, более чем здоровы, — ответил адвокат и сел в машину.

Сергей последовал его примеру и, только оказавшись на мягком сидении рядом с водителем, осознал, что сидит в «майбахе» стоимостью этак в полмиллиона.

— Хорошая машина, — констатировал он, обращаясь к пожилому водителю в костюме.

— Очень хорошая, — согласился тот. — Вы бы лучше назад сели.

— Ничего, — мягко отказался молодой человек. — Не буду пока привыкать.

— Хозяин — барин, — пожал плечами водитель. — Куда поедем?

— А какие магазины работают в половине двенадцатого?

— Никакие.

— Тогда в ночной клуб или ресторан. Нет, в одно местечко на Соколе. Я покажу, — махнул рукой Сергей. — Славное место — клуб «Кролик Джек Робертс Слимс».

Машина тихо, как подводная лодка, заскользила по пустому шоссе в указанном направлении.

В дороге Сергей предался размышлениям, при-сущим всем особям мужского пола двадцати семи лет, обремененным двумя высшими образованиями — филологическим и физико-математическим, и не имеющим видимых перспектив в карьерном росте по причине отсутствия когерентности к текущей реальности. Иными словами, зарабатывать деньги он так и не научился, любимой женщины не встретил, футбол не любил, настоящими друзьями не обзавелся, подвига не совершил, родину недолюбливал, но и за рубеж не торопился. Хотя при этом во многих редакционных коллективах имел репутацию приятного, талантливое парня. Мало того, его очерк «Парадокс Туллио Редже» получил высочайшую оценку специалистов в области популярного естествознания и почетный диплом.

— А что, собственно, мы теряем?! — думал Сергей, разглядывая проносящиеся за окном автомобиля мерцающие огнями рекламные стенды. — Ничего. Нет, конечно, можно было дописать давно начатый роман или наняться землекопом в археологическую экспедицию. Но, если я этого не сделал раньше, нет никаких гарантий, что я это сделаю потом. А тут — нереальный задаток и явно с мамой мы больше не увидимся. Тоже непонятно — хорошо это или плохо. Нет, это должно быть очень плохо. Вот! — и Сергей рефлекторно поднял кверху

указательный палец. — Надо две тысячи маме отдать. Более чем благородно, и когда у меня совесть, наконец, проснется, будет лишний аргумент в мою пользу. Все равно за семь часов всю «котлету» я не истрачу.

Так он и поступил. Машина, изменив маршрут, вскоре затормозила у неказистого девятиэтажного дома. Сергей, на ходу выдумывая убедительный повод не задерживаться дольше, чем это необходимо для пересчета сорока пятидесятифунтовых бумажек, пошел к дому. И когда мама ему открыла дверь, он тут же затараторил:

— Все быстро! У жены Борщевского схватки, я ближе всех к его дому. Да, я гонорар получил.

Половина тебе.

— Сподобились! — язвительно скривилась добрая женщина. — Месяц не звонил, думает, можно деньгами откупиться. Такие сейчас дети! Будь у них возможность, вообще бы с родителями не знакомились.

Сергей внутренне согласился, но промолчал и начал отсчитывать деньги.

— Мама, — попутно инструктировал он, — это не доллары, а фунты стерлингов, они дороже. Меняй в государственном банке.

— Может, их туда и положить? — отвлеклась от обличительных речей мать.

— Не надо, их только что оттуда взяли, у них начнется депрессия, — покачал головой сын.

— Ладно, — усмехнулась она. — Главное, чтобы Павел не узнал, он мне из-за них голову своим нытьем провентит. Да, — и на лице родительницы появилось истеричное выражение, — твой братик два экзамена завалил, а тебе на все наплевать! — Мама! — снова воззвал он к здравому смыслу родительницы. — Купи что-нибудь себе, именно